

ЖОРЖ СИМЕНОН:

ПИШУ О НЕЗАЩИЩЕННОМ «МАЛЕНЬКОМ ЧЕЛОВЕКЕ»

Широкую популярность книгам французского писателя Жоржа Сименона принесла отнюдь не привлекательность детективного жанра, в котором он много и плодотворно работал. Внимание к «маленькому человеку», умение видеть и вскрывать социальные корни правонарушений, протест против бесчеловечных законов капиталистического общества, в котором и совершаются преступления, расследуемые комиссаром Мегрэ, — вот главные причины успеха Жоржа Сименона.

— Вы когда-то сказали, что преступников как людей особого рода не существует, — начинаем мы наш разговор с Жоржем Сименонем.

— Криминологи придерживаются того же мнения, — отвечает писатель. — Профессор Сидней Смит из Эдинбурга убежден в том, что преступники — такие же люди, как мы с вами.

Жорж Сименон задумчиво улыбается. Ему 79 лет. Он одет в светлые брюки, белую рубашку, вместо галстука — узенькая ленточка. Своим внешним видом писатель напоминает скорее судью из какого-

нибудь старого фильма об американском Юге. За окном его розового домика в Лозанне солнечные лучи пытаются пробиться сквозь пелену дождя. Большая стая птиц приземлилась в саду, каждый день обитатели дома рассыпают там для них корм.

Отец Жоржа Сименона был скромным страховым агентом. Мать писателя, по натуре беспоконная и несколько экзальтированная, всегда страшилась бедности. Чтобы подзаработать, она сдавала комнаты квартирантам, — польским и русским студентам из Льежского университета. Маленький

Жорж проводил с ними долгие вечера.

— Студенты научили меня читать, — вспоминает писатель. — К двенадцати годам я уже познакомился с книгами Гоголя и Достоевского. Позднее — Чехова, которого всегда любил больше всех.

— Были ли вы религиозны?

— О, да. В одиннадцатилетнем возрасте я получил стипендию в колледже св. Луи и собирался стать священником. Однако через два года, когда мне исполнилось тринадцать лет, оставил эту идею.

— Почему? Ведь ваш отец был ревностным католиком.

— Я влюбился. И перестал считать грехом любовь. В грехах, о которых так много говорят верующие, на самом деле нет ничего греховного.

Сименон прожил бурную жизнь. Знаменитый писатель в детстве мечтал о карьере пастора, в юности работал репортером полицейской хроники, позднее секретарем у маркиза де Треси... В его кабинете много книг, посередине комнаты большой белый стол, за которым он работает. Стены пусты: многочисленные картины, среди которых полотна кисти Пикассо, убраны.

Жорж Сименон не написал ни одного романа с тех пор, как поселился здесь, в этом

домике со своей женой Терезой, итальянкой по происхождению.

— Что вы читаете?

— Уголовный кодекс и Библию. Библия — очень жестокая книга, наверное, самая жестокая из всех, когда-либо написанных.

— А какие детективные романы вам нравятся?

— Я очень люблю книги Хэммета. Как и он, я когда-то печатался в дешевых литературных журналах, публикуя сенсационные повести. Я писал рассказы, действие которых происходило в Америке или Африке. Все сведения о далеких континентах и странах брал из энциклопедий. А когда по прошествии нескольких лет смог наконец заработать денег и побывать там, то убедился, что сильно приукрашивал их.

— Как вы относитесь к Шерлоку Холмсу?

— Он слишком скучен и неэмоционален. Герои моих книг — простые люди. Я пишу о не защищенном в нашем обществе «маленьком человеке». Сильные мира сего меня не интересуют, как, впрочем, и так называемые великие люди. Мне отвратителен Наполеон. После одного из сражений, в котором погибло 30 тысяч французских солдат, он писал своей жене: «Все это ничто по

сравнению с тем, что завтра я буду в твоих объятиях».

— Когда вы в первый раз написали о Мегрэ.

— В двадцать пять лет. Я отнес три своих романа, героями которых был 45-летний комиссар Мегрэ, издателю Файару, влиятельному человеку. Он взглянул на меня и сказал: «Здесь нет ни математических проблем, ни любовной интриги, ни хороших или плохих героев, ни счастливого конца». И... подписал контракт на восемнадцать романов. Мегрэ я посвятил 82 книги.

— Семьдесят девять, — поправила Тереза.

— Почему вы перестали писать?

— Я старею. Это очень не просто — жить в образе другого человека. Ведь я всегда писал быстро. Мне было достаточно нескольких дней, чтобы прожить всю жизнь моего героя или ее эпизод. Но вживание в образ всегда было для меня болезненным процессом. Сейчас я счастлив, что могу оставаться наконец самим собой.

— Что побудило вас написать мемуары?

— Я сделал это из-за моей

дочери. Она всегда хотела, чтобы ее имя стояло на обложке одной из моих книг. Я выполнил желание Мари.

Дочь Жоржа Сименона ушла из жизни в 25 лет. Одно из ее писем, помещенных в этой автобиографической книге, рассказывающей о творчестве писателя, его путешествиях, близких и друзьях, начинается так: «Папочка, мой Бог Отец». Одно из последних заканчивается словами: «Я потерялась в бесконечном пространстве и мертвом безмолвии. Забудь мои слезы, но прошу, верь в мою улыбку, в ту свою маленькую девочку, какой я была много лет назад».

— Почему вы так много рассказали о себе в мемуарах?

— Чего только обо мне не писали! Я подумал, что пришло время поведать правду.

Дж. МОРТИМЕР.
«Санди-таймс». (Лондон — «За рубежом»).

Комсомольская правда
Г. Вильнюс

15 СЕН 1982

350